

ГОСПОДА АРТИСТЫ

Алиса
Фрейдлих
рассказывает
о Марии
Призван-Соколовой

— В моей жизни она всегда в фокусе, — сказала Алиса Фрейдлих после вручения петербургской театральной премии “Золотой софит” в 1998 году актрисе БДТ Марии Александровне Призван-Соколовой. — То, что она и мой отец, Бруно Фрейдлих, вышли в вечер торжественной церемонии на сцену вместе, парочкой, для меня имеет особую значительность. Отцом я с детства восхищалась, искала сходство, гордилась... Не умаляя достоинств мамы, должна признать, что Мария Александровна была и остается моей творческой матерью. Они оба — мои родители, которые посланы судьбой как подарок.

С первых встреч, а они произошли в тот период, когда мы выбираем ценностные ориентиры в жизни, ищем объекты подражания, она стала для меня своеобразным эталоном — все мерила через Марию Александровну, в большом и малом. Даже одеваться долгое время старалась как она: клетчатые юбки в складку, английские пиджачки... В ней есть порода, удивительная, редкая человеческая заразительность, которая пленяет, может быть, не сразу, но если попадаешь в поле магнетизма, то это навсегда. Тогда, в школьные годы, мы не понимали, в чем кроется природа магии воздействия на нас. Потом, спустя время, начинаешь осознавать, что это было

«Моя творческая мама»

влияние подлинной культуры, духовности, образованности, вкуса, умения мыслить образами, когда убеждают не наставления и назидания, а прежде всего выразительность речи: что и как сказано. Думаю, что мы, ее ученики, и я, и Ольга Волкова, и те, чья жизнь не оказалась напрямую связанной с театром, храним благодарность за ее первые бесценные уроки.

— Где были преподаны вам эти уроки?

— В драматическом кружке школы N 239, которая находилась тогда в доме со львами, что напротив Александровского сада. Жизнь измерялась днями занятий в кружке — от четверга до четверга. В нашем распоряжении был актовый зал с колоннами, дубовыми резными панелями, высокими окнами, смотрящими на Исаакиевский собор, такой разный по освещению, окраске, силуэту не только в разное время года, но и в течение дня. Там был первый выход на сцену, первые заветы, которые впоследствии укрепил, укрупнил мой учитель в Театральном институте Борис Зон. Мне очень повезло, что все оказалось в одном русле человеческих и профессиональных ценностей.

— Что в этих ценностях вам представляется сегодня особенно существенным?

— Наше общение с Марией Александровной не ограничивалось встречами в кружке. Она часто приглашала к себе домой для индивидуальных репетиций — так это называлось. Ее крошечная квартира в Волынском переулке напоминала волшебную табакерку: книжные стеллажи от пола до потолка, лиловый венецианский фонарь, рыцарские доспехи, стены глубокого красного цвета, петербургские, и множество вещей: статуэтки, игрушки, вазы и вазоны с цветами — все, что хранит энергетику времени, какой-то момент жизни, приметку бытия. Думаю, что у меня от нее

бережное отношение к памятным “мелочам”, что нередко вызывает протест, иронию моей дочери, которая признает современный стиль гостиничного единообразия — ничего лишнего. Мы тоже в 60-е годы переболели этой “чумкой”, выбрасывали мебель, устаревшие предметы быта, о которых теперь вспоминаем с сожалением, как об утерянной памяти. Стремление избавиться от реликтов опасно тем, что отражается на системе личностных отношений, они становятся пунктирными и в общении людей, от одной значимой точки до другой значимой точки, — а что между ними, что их определяет? Подчас выхолащивающий душу прагматизм.

— Сказывается ли в творчестве такое отношение к “мелочам”?

— Несомненно. Для Марии Александровны всегда и все значимо: процесс работы над ролью, отношение к репетиции, спектаклю, костюму, реквизиту, продуманные до мельчайших подробностей, которые бывают не видны зрителю, но необходимы артисту, так как помогают достичь самого драгоценного — подробности чувств, а ведь пунктирное эмоциональное состояние не может вызвать в зале ответной реакции, той божественной искры, которой жив театр как искусство.

Думаю, что актриса Призван-Соколова убедительно доказала непреложность “правды жизни человеческого духа” блестящими работами, в числе которых роли в “Мещанах”, “Последних”, “Саде без земли”, “За чем пойдешь, то и найдешь”, “Дяде Ване” Чехова... Да невозможно перечислить всё. Я называю роли только последних десятилетий, которые помнят зрители. За шестнадцать лет моей работы в БДТ мне не довелось встретиться с Марией Александровной на сцене, о чем очень жалею.

— Как складываются ваши отношения за кулисами театра?

— Она верна своим принципам: ко всем внимательна, никогда никого не может обидеть, даже в ответ на несправедливость. Как сама говорит: “Я живу скромно, от обиды отползаю. Я — не боец. Таким же был муж, не просил, не добивался...” Их отношения с Павлом Карловичем Вейсбремом были красивые, легкие, наполненные любовью, нежностью и каким-то удивительным юмором. Вспоминаю о нем с благодарностью. Убеждена, что его режиссерское творчество заслуживает серьезного исследования.

Теперь уже в новой квартире, сохранившей все приметы прежнего быта, на стене того же глубокого красного цвета фотография Павла Карловича, “Павлика”, память о котором хранит ее и всех нас, кому посчастливилось с ним встретиться. Каждый год начиная со школьной поры 1 апреля, в день рождения Марии Александровны, мы собираемся у нее в доме. Так уж повелось, что этот день не может быть забыт или пропущен...

Свой 67-й сезон в Большом драматическом театре Призван-Соколова встретила премьерой спектакля “Отец” по пьесе А.Стриндберга. В сыгранной ею состарившейся кормилице Маргарите покоряет жертвенная любовь и боль непонимания жестокости отношений между самыми близкими людьми.

В программке к спектаклю напечатана анкета: вопросы и ответы драматурга, под которыми с полным правом может подписаться актриса:

— Какую черту вы больше всего цените в жизни? Материнское чувство.

— Что такое счастье? Не быть ничьим врагом и не иметь врагов. Способность разрешать загадку жизни и понять цель существования.

Беседовала
Энна РОМАНОВСКАЯ
Фото Владимира ТИМОФЕЕВА

Моя творческая мама
Бруно Фрейдлих